

УДК 330.35.011

С.Ю. Солодовников

S. Solodovnikov

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ИСТИННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ: СУЩНОСТЬ И ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ*

ECONOMIC GROWTH AND GENUINE SAVINGS: ESSENCE AND INTERDEPENDENCE

Раскрывается проблема соотношения экономической и социально-экономической эффективности хозяйственных систем. Уточнены теоретико-методологические основы исследования экономического роста в контексте истинных накоплений.

The problem of correlation of economic and socio-economic efficiency of economic systems is disclosed. The theoretical and methodological foundations of the research of economic growth in the context of genuine savings have been refined.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономический рост, социальная динамика, природа, общество.

Keywords: sustainable development, economic growth, social dynamics, nature, society.

Проблема влияния природно-географических условий на социально-экономическое развитие стран и регионов давно находится в поле зрения общественных наук. В экономической науке длительное время продолжается соперничество между представителями двух основных подходов к определению влияния природно-географических условий на социальные процессы: преувеличение роли природно-географической среды – «географический детерминизм» и игнорирование влияния природно-географических условий на социальные процессы – «географический нигилизм» [1]. Возникновение и эволюция концепции устойчивого развития не привели к исчезновению вышеназванных подходов, а, напротив, вызвали усиление аргументации теоретических и методологических позиций её противников.

Исторически географический детерминизм возник раньше географического нигилизма. Это было обусловлено историческими условиями возникновения обществоведения в целом и экономической науки в частности, т.к. все общественные науки впервые появились в аграрных и/или раннеиндустриальных обществах с низкой производительностью труда, а значит, эти социумы были критически зависимы от погоды и неурожаев, от наличия и географии полезных ископаемых. Яркой иллюстрацией последнего может послужить тот факт, что на ранних стадиях индустриализа-

ции народного хозяйства было необходимо сочетание трёх факторов: сильной королевской (или императорской) власти, наличия железной руды и каменного угля. Всё это наблюдалось в Англии, а также в Китае, где, однако, пороги на Янцзы не позволили производителям в её низовьях получить доступ к месторождениям каменного угля в её верховьях, результатом чего стало технико-экономическое отставание Китая от индустриально развитых европейских стран.

Последовательное применение природно-географического детерминизма неизбежно трансформирует взгляды учёных, придерживающихся его, независимо от предмета их науки. Так, при исследовании законов народонаселения последовательное применение естественно-биологического подхода породило мальтузианство [2], теоретическая основа (краеугольный камень) которого может быть представлена постулатом: «суть закона народонаселения в следующем: население возрастает в геометрической прогрессии, производство средств существования – в арифметической» [3]. Т. Мальтус писал, что «на великом пиршестве природы у тех, кто не получил своё состояние от родителей и в труде которых общество не нуждается, не хватает прибора; природа приказывает таким людям удалиться и сама принимает меры к тому, чтобы её приказание было приведено в исполнение» [4]. Названный автор считал, что и живот-

© Солодовников С.Ю., 2017

* Статья выполнена в рамках Договора с БРФФИ № Г16РА-015 от 20.05.2016 «Теория экономического развития Республики Беларусь и Республики Румыния в контексте роста истинных норм инвестиций (GSI)».

ные, и люди подчиняются одному непреложному закону природы, который «состоит в постоянном стремлении, свойственном всем живым существам, размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи» [5]. Мальтузианство, по нашему мнению, не является продуктом интеллектуальной деятельности одного или группы учёных, основанном на определённых методологических и фактологических ошибках. Напротив, по нашему убеждению, мальтузианский закон народонаселения воплотил в себе мироощущение западной цивилизации и порождённой ею системы хозяйствования. С.Г. Кара-Мурза пишет: «Как возникло само понятие рыночная экономика? Ведь рынок *продуктов* возник вместе с первым разделением труда и существует сегодня в некапиталистических и даже примитивных обществах. Рыночная экономика возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления никак не могли быть товаром: *деньги, земля* и свободный человек (рабочая сила). Это – глубокий переворот в типе рациональности, в мышлении, и даже религии, а отнюдь не только экономике» [6]. Даже такой яркий европейский критик мальтузианства, как К. Маркс, в своём законе народонаселения во многом разделяет идеи Т. Мальтуса, поскольку оба названных автора исходят из универсальной идеи европейской «политэкономии, возникшей как наука о рыночном хозяйстве, основанном на обмене» [7], из того, что только «специализация и разделение – источник эффективности» [8]. С.Г. Кара-Мурза справедливо отмечает по этому поводу: «Это разумное умозаключение приобрело характер идеологической догмы, и мы забыли о диалектике этой проблемы. А именно: соединение и *кооперация* – также источник эффективности. Какая комбинация наиболее выгодна, зависит от всей совокупности конкретных условий» [9]. Названный автор также подчёркивает, что наряду с рыночным хозяйством «существуют и типы хозяйства, причём весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия складываются, а не обмениваются» [10].

Для рыночной экономики, сводящей природу и человека лишь к факторам производства (природный капитал, капитал человеческий), прошедшей путь огораживания (когда овцы «съели» людей), закон о бродяжничестве (когда за кражу еды по закону массово вешали даже детей), индустриализацию с широким использованием детского труда (на ткацком производстве в Англии работали даже 5-летние девочки, причём они имели преимущество при приёме на работу, поскольку их маленькие пальчики позволяли лучше выполнять технологические регламенты того времени), естественным и логичным явилось следующее умозаключение Т. Мальтуса: «Главная и непрерывная при-

чина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; богатые не в силах доставить бедным работу и пропитание, поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них работы и пропитания: вот какие важные истины вытекают из закона народонаселения» [11].

Многие классики рыночной экономики в той или иной степени разделяют воззрения Т. Мальтуса. Например, Г. Беккер пишет: «Когда мужчины и женщины решают вступить в брак, завести детей или развестись, они пытаются повысить своё благосостояние путём взвешивания сравнительных выгод и издержек. Таким образом, они заключают брачный союз, если ожидают, что это повысит степень их благополучия по сравнению с тем, если бы они оставались в одиночестве, и разводятся, если это должно привести к росту их благосостояния» [12]. Л. фон Мизес, признавая значительное влияние теории народонаселения Т. Мальтуса на социальную теорию неоллиберализма, заявлял, что «ядро социальной теории либерализма – это теория разделения труда. Только в тесной связи с ней можно правильно объяснить социальные условия закона народонаселения Мальтуса» [13], «частная собственность на средства производства есть регулятивный принцип, обеспечивающий равновесие между ограниченным числом средств, которыми общество располагает, и более быстро растущим числом потребителей. Этот принцип ставит каждого индивида в зависимость от квоты экономического продукта, социально резервируемого от коэффициента собственности и труда. Он выражается в снижении показателя рождаемости под давлением социального пресса, элиминацией излишних членов общества, как это случается в животном и растительном царстве. Однако функцию борьбы за существование выполняет моральный тормоз, ограничивающий потомство» [14].

Подход, признающий в качестве неизменных принципы «ненасытной жажды экспансии» [15] в погоне за прибылью и отношения к природе как к ограниченным экономическим ресурсам (в погоне за которыми необходимо продолжать внешнюю экспансию), а не как важнейшему условию человеческой жизнедеятельности, по своей сути внутренне противоречив. С одной стороны, признаётся зависимость от природно-географических условий, а с другой – в качестве цели развития общества и индивидов ставится стремление к богатству. М. Вебер приводит по этому поводу высказывание известного протестантского проповедника «буржуазных наций» Дж. Уэсли: «Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали всё, что можно, т.е. стремились к богатству» [16]. Такой безудержный экономический рост в погоне за обога-

шением продолжался до тех пор, пока не были достигнуты природные «пределы роста», т.е. пока капитализм не столкнулся с природно-географическими ограничениями.

Несостоятельность природно-географического детерминизма была раскрыта ещё Г.В. Плехановым, который заметил, что «современных итальянцев (конца XIX века. – С.С.) окружает та же естественная среда, в которой жили древние римляне, а между тем как мало похож темперамент современных нам данников Менелика на темперамент суровых покорителей Карфагена» [17]. Вместе с тем любому экономисту очевидна взаимная связь между природно-географической средой и экономическим развитием общества. Причём эта зависимость может быть очень различной: от голландской болезни до успешного использования нефтедолларов для технико-экономической модернизации страны (например, ОАЭ); от успешного вписывания городской цивилизации в окружающую природно-географическую среду и минимизации последствий негативного влияния человека на природу (например, столица Восточной Римской империи Константинополь) до разрушительного влияния городской цивилизации на природу (например, столица Западной Римской империи Рим превратила половину Италии в свалку). В своё время уже упоминаемый выше Г.В. Плеханов писал, что природно-географические условия определяют лишь «общее направление» социально-экономических процессов, но не «индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия» [18]. Ведущий российский этнограф Л.Н. Гумилёв подчёркивал, что «историческая судьба народности (этноса), являющаяся результатом её (народности) хозяйственной деятельности, не определяется, но связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта» (природно-географических условий. – С.С.) [19]. В своих работах данный автор приводит большое количество исторических примеров этой связи [20].

Ранее нами достаточно подробно освещалось влияние природно-географических условий на социально-экономическое развитие общества [21]. При этом мы описали негативные последствия антропогенного влияния на природно-географическую среду на примере Исландии [22].

Первый доклад, представленный Римскому клубу, который назывался «Пределы роста», впервые поставил проблему устойчивого развития (проблему гармонизации отношений общества и природы) в 60-е гг. XX века. Этот доклад возник как реакция европейских интеллектуалов на очевидные проблемы угрозы существованию человечества в случае, если дальнейшая капиталистическая экспансия будет продолжаться в тех формах, в которых она происходила до этого. Вектор раз-

вития концепции устойчивого развития хорошо известен и в Республике Беларусь, и за рубежом, поэтому полагаем, что нет смысла пересказывать общеизвестные истины. Вместе с тем следует отметить, что, во-первых, названная концепция носит исторический характер, т.е. она представляет собой «относительно самостоятельный естественно-исторический процесс» [23]; во-вторых, устойчивое развитие возможно только при условии гармонизации отношений *человек – общество – природа*, оно требует постоянной диалектической адаптации жизнедеятельности социума, повышения эффективности экономической системы в зависимости от изменения его внутренних компонентов и внешних условий; в-третьих, любое общество не является чем-то монолитным, а делится на множество социальных классов, которые обладают специфическими социально-экономическими интересами, причём интересы ряда этих классов всегда будут не соответствовать направлению устойчивого развития. С учётом названных обстоятельств можно констатировать, что сегодня сутью концепции устойчивого развития является разработка социально-экономических механизмов управления социоприродными системами на региональном, национальном и глобальном уровнях в целях обеспечения устойчивого роста благосостояния населения с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека.

Содержательно раскрыть проблему системной оценки экономического роста без уточнения особенностей соотношения экономической и социально-экономической эффективности хозяйственных систем невозможно.

Оценка экономической эффективности коммерческих организаций в эпоху классического капитализма (до 80-х гг. XX в.) была относительно проста и нашла своё выражение в существующих учебных курсах микроэкономики. Хотя и тогда наблюдались некоторые различия в подходах, в частности, когда речь шла о хозяйственных рисках и минимизации ущерба, причиняемого ими коммерческой организации. Если предприятие рассматривается через призму индивидов и их групп, на нём работающих, то возникает субъектное противоречие в оценке экономической эффективности коммерческой организации. Так, например, если для собственника экономическая эффективность будет непосредственно связана с прибылью, то для наёмного работника – с зарплатой.

Под экономической эффективностью понимается показатель, отражающий соотношение экономического результата и экономических ресурсов, затраченных на его получение. При этом большинство белорусских экономистов исходит из того, что для признания коммерческой организации (независимо от формы собственности) экономически

эффективной необходимо, чтобы полученный экономический результат превышал понесённые издержки. Среди североамериканских экономистов (как учёных, так и практиков) достаточно распространённым является положение о том, что экономически эффективным является недопущение экономического ущерба. Иначе говоря, экономически эффективной является работа с нулевой рентабельностью.

Последний подход (нулевая рентабельность) длительное время широко применялся южно-корейскими компаниями с целью успешного проникновения на новые рынки и быстрого расширения своего присутствия на традиционных рынках. Как показали последние десятилетия, такая рыночная стратегия чебелей оказалась экономически оправданной. Китайские предприятия также широко применяют стратегию нулевой рентабельности.

Следует отметить, что после революционных изменений в целях управления крупными коммерческими организациями, в том числе и транснациональными корпорациями (далее – ТНК), произошедших в последней четверти XX в., вызванных революционными изменениями экономических интересов и форм их реализации как самих субъектов, фактически осуществляющих это управление, так и собственников этих компаний (революция менеджеров), можно уверенно говорить о завершении эпохи классического рыночного капитализма и переходе к пострыночной экономике. Остановимся на этом подробнее.

А.Т. Ханипов под интересом справедливо понимает позицию социального субъекта, выражающую «его избирательное отношение к объективным тенденциям общественного развития» [24]. Различное место индивидов в экономической системе общества определяет существенную дифференциацию их интересов и форм их реализации. «Способ производства и форма собственности неизбежно связаны с известными группировками общественных интересов» [25]. Зависимость между экономическими интересами и материальными условиями, их порождающими, носит вариативный характер.

Ещё более высокой степенью самостоятельности (вариативности) обладают формы реализации экономических интересов. Это обусловлено тем, что, как известно, экономический интерес направлен на удовлетворение экономической материальной потребности. При этом «интерес существует как сознательное стремление» [26], т.е. с психологической точки зрения интерес представляет собой сосредоточение внимания индивида на удовлетворении определённой потребности. В рамках узкоэкономического подхода следовало бы подчеркнуть, что это внимание сосредоточено на удовлетворении определённой *экономической* потреб-

ности. И в учебниках по макро- и микроэкономике так и пишут. Это может быть оправдано дидактическими целями при изучении экономических дисциплин. Но даже при этом, если в процессе изложения учебного курса педагог не объяснит, что это лишь абстрактная модель, один из принципов, лежащий в основе реальных рыночных отношений, а не некий абсолютизм, то у студентов не вырабатывается правильного представления о том, что такое экономическая система общества и какое место в ней сегодня занимает рынок.

В результате революции менеджеров, когда во главе практически всех крупных компаний встали наёмные менеджеры, в этих коммерческих организациях существенно изменились формы получения предпринимательского дохода. В эпоху классического (рыночного) капитализма для получения этого дохода, как правило, было необходимо присвоить средства производства, что успешно и осуществляла на протяжении столетий буржуазия. Соответственно, экономическая эффективность коммерческой организации определялась уровнем её прибыльности, которая собственником капитала соотносилась с возможными альтернативными инвестиционными возможностями.

Итогом революции менеджеров стало фактическое отстранение собственников от управления крупными коммерческими организациями (после чего не форма собственности коммерческой организации стала определять хозяйственную успешность крупных компаний, а включение их в систему частного права). В результате для установления контроля над ТНК и иными корпорациями (в которых количество собственников, держателей акций может достигать уже не десятков, а сотен тысяч) произошло присвоение классами менеджеров собственности на функции стратегического и оперативного управления этими организациями. При этом важнейшим критерием оценки экономической эффективности корпораций становится капитализация их активов, поскольку: во-первых, большинство акционеров потеряли возможность напрямую влиять на стратегию управления этими организациями; во-вторых, развитие финансовых рынков и глобальных финансов, участие значительной части населения в торговле ценными бумагами и его (населения) дилетантизм в этой сфере в периоды роста финансовых пузырей способствовали тому, что акционеры начали оценивать свои ценные бумаги не по дивидендам, а по росту их капитализации.

Человечество в целом, социальные группы и каждый индивид представляют собой очень сложную систему, которую без серьёзных смысловых потерь нельзя свести только к их социально-экономическим характеристикам, а тем более к экономическим. Главный экономический интерес всех

социальных субъектов заключается в улучшении своей жизнедеятельности. Н.В. Герасимов писал, что экономические интересы представляют собой «социальную направленность жизненной активности субъектов на создание наиболее благоприятных общественных условий, необходимых для удовлетворения их материальных потребностей и нужд, обеспечения максимально возможной физической и социальной жизнеспособности» [27]. Из последнего определения экономических интересов видно, что их реализация напрямую связана с созданием благоприятных общественных условий для этого. Эти условия включают в себя в качестве базового экологический императив: если во имя текущих эгональных частно-экономических интересов сообщества последовательно уничтожается природа, то результатом неизбежно станет смерть этого сообщества.

Поэтому, говоря о социально-экономической эффективности, следует обязательно учитывать в ней в качестве обязательного условия требование устойчивого развития, т.е. развития без ущерба экологии. По существу, в качестве общенационального критерия социально-экономической эффективности может быть использован критерий Калдора–Хикса (любые хозяйственные изменения должны рассматриваться как повышающие экономическую эффективность только в том случае, если получатели выгоды гипотетически могут компенсировать экономические потери оставшихся в проигрыше и всё равно остаться в выигрыше) с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека, недопущением чрезмерной имущественной дифференциации и действенной государственной поддержкой детей, пенсионеров, инвалидов и т.д.

Из понимания сущности концепции устойчивого развития как разработки социально-экономических механизмов управления социоприродными системами на региональном, национальном и глобальном уровнях в целях обеспечения устойчивого роста благосостояния населения с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека вытекает необходимость дополнения традиционных показателей, применяемых для оценки экономического роста, показателем роста истинных накоплений. В публикациях по этой проблематике, в частности, отмечается, что «экономический рост приводит ко всё большей потребности учёта экологических издержек. Истощение и деградация природных ресурсов оказывают негативный эффект на социальные отношения, структуры производства и потребления. Происходит переход к экологической экономике и экономике устойчивого развития» [28]. Также подчёркивается, что «одним из экологических показателей, определяющим перспективы устойчивости развития, явля-

ются экологические издержки (или естественные активы), представляющие собой сумму издержек, вызываемых экологическим, экономическим и социальным ущербом, а также издержки на экологическое регулирование и контроль» [29].

Названные экологические издержки сегодня как никогда нуждаются в сокращении. Об этом много пишут и говорят на всех уровнях. Вместе с тем для формирования природосберегающего хозяйственного механизма необходимо иметь экономический показатель (или показатели), измеряющий ущерб природе на уровне экономики в целом. «Снижение величины экологических издержек, – справедливо отмечают О.М. Мазуренко и Ю.В. Мелешко, – за счёт системного учёта при определении способов преодоления нежелательных эколого-экономических последствий хозяйственной деятельности возможно только при условии комплексного учёта таких компонентов устойчивого развития, как: атмосферный воздух, водные и земельные ресурсы, органико-минерально-сырьевые ресурсы, утилизация отходов, растительный и животный мир» [30].

В экономической науке поиск и разработка таких показателей продолжается. На сегодняшний день наиболее перспективным представляется показатель роста истинных накоплений, который иногда также называется показателем истинных норм инвестиций. «Включение оценки индекса истинных норм инвестиций GSI в состав макроэкономических показателей обусловит существенную корректировку сложившихся представлений об уровне социально-экономического развития страны, а также тех возможностей, которыми располагает государство для обеспечения устойчивого благосостояния своих граждан» [31]. Н.В. Устинова пошла дальше и предложила новое парадигмальное видение взаимодействия всех факторов воспроизводства как единой «системы экономического роста экологосинергетического типа» [32], действующих «в условиях глобальных трансформационных процессов» [33]. При таком подходе рост истинных накоплений следует рассматривать как один из важнейших (может быть, даже самый важный), но не единственный фактор оценки экономического роста.

Как известно, любая теория экономического роста находит своё практическое выражение в государственной стратегии социально-экономического развития. Именно последняя является институтом, определяющим государственные цели, направления и механизмы в области расширенного общественного воспроизводства. Исходя из разнообразия экономических потенциалов и культурных особенностей стран мира, различных стратегических альтернатив в каждой из этих стран, а также исторического характера этих альтернатив,

следует признать объективную обусловленность наличия множества стратегий экономического развития стран мира. Соответственно, и в теории экономического развития Республики Беларусь место истинных инвестиций (GSI) должно определяться с учётом уникальных характеристик экономики страны. Слепое копирование любых, даже хорошо зарекомендовавших себя в других странах, подходов не только не гарантирует успехов у нас, а напротив, может с достаточно высокой степенью вероятности нанести государству серьёзный экономический вред.

В рамках развития теоретико-методологических основ исследования роста истинных накоплений с учётом белорусской специфики, по нашему мнению, гносеологический и практический интерес представляет впервые введённое в оборот Н.В. Устиновой понятие экономического роста эколого-синергетического типа. Как отмечает названный автор, «синергетический (комбинационный) экономический эффект, составляющий основу экономического роста синергетического типа, образуется не только непосредственно в результате комбинирования факторов производства (воспроизводства), что является функцией труда в организационно-управленческой сфере, но и комбинирования научно-технических подходов, свойственных различным отраслям науки и техники, а это уже является функцией труда в научно-технической сфере» [34].

При этом экономический рост эколого-синергетического типа определяется как экономический рост, осуществляющийся «на основе эффективного комбинирования факторов воспроизводства (текущих факторов производства и потенциалов воспроизводственного процесса), в результате чего образуется синергетический (комбинационный) эффект, с охватыванием этим комбинированием также процесса НИОКР, при строгом соблюдении экологических ограничений и обеспечении экологической ориентации жизнедеятельности как относительно применяемых технологий, так и образа жизни человека и общества в целом» [35]. Во многом соглашаясь с последней цитатой, по нашему мнению, следует отметить, что требования «строгого соблюдения экологических ограничений» и «обеспечения экологической ориентации жизнедеятельности как относительно применяемых технологий, так и образа жизни человека и общества в целом» излишне категоричны. Именно эта категоричность, характерная скорее для политического движения «зелёных», чем для экономической науки, в которой все, даже самые идеальные, модели включают в себя заранее оговорённые допуски (константы), снижает теоретико-методологический потенциал исследования Н.В. Устиновой. Экономическая система общества

представляет собой живой организм, включающий в себя огромное количество социально-экономических субъектов с различными потребностями и, соответственно, интересами. Это субъектное разнообразие выступает важным фактором адаптивности экономической системы к изменению окружающей среды. Для эффективного функционирования национальной экономики необходимы агрегированные субъекты, выступающие носителями государственных, уравнивающих, эгональных, экологических (природосберегающих) и других интересов. Как только в экономической системе общества политически и экономически необоснованно (чрезмерно или полностью) подавляются интересы каких-либо классов, система снижает свой адаптационный потенциал и становится критически уязвимой к внешним шокам. Так было в СССР и многих других странах. Чтобы этого избежать, надо стремиться обеспечивать экономический рост эколого-синергетического типа с сохранением конкурентных преимуществ экономики.

Н.В. Устинова справедливо отмечает, что «каждый потенциал является источником соответствующего фактора производства. Возможность пользоваться фактором производства на расширенной или, наоборот, суженной основе зависит от процесса накопления соответствующего потенциала. Это накопление может осуществляться как в качественном разрезе (совершенствование потенциала), так и в количественном (увеличение масштабов потенциала). В отдельных случаях факторы производства могут быстро активизироваться, вступать в производственные взаимодействия, тем самым увеличивая объёмы производства (являя очевидный, «осязаемый» экономический рост), но при истощении потенциалов воспроизводства это в будущем чревато сильнейшим экономическим спадом, преодолеть который возможно только путём длительного и мучительного восстановления, наращивания потенциалов воспроизводства» [36]. Названные теоретико-методологические оговорки показывают, почему в условиях быстрого роста населения и потребления всех видов природных ресурсов, ведущего к постоянному сокращению запасов последних, становится всё более необходимым учитывать в государственной стратегии социально-экономического развития потенциальную динамику истинных инвестиций.

Н.В. Устинова считает, что «для обеспечения устойчивости экономического роста на длительную перспективу... накопление потенциалов воспроизводства должно осуществляться опережающими темпами по отношению к росту потребления (использования, применения) факторов производства» [37]. По нашему мнению, последнее суждение является излишне упрощённым и поэтому неверным, поскольку названный автор в этом

случае, во-первых, механически противопоставляет накопление и потребление. На самом деле эти процессы (накопления и потребления) не только тесно взаимосвязаны, но и в ряде случаев совпадают. Так, растущее потребление населением традиционных и новых продуктов и услуг одновременно выступает важным фактором накопления человеческого и социального потенциалов. В свою очередь, использование (потребление) человеческого капитала выступает важнейшим фактором накопления и капитализации социального потенциала и т.д. Во-вторых, в данном случае происходит отказ от исторического подхода в исследовании факторов экономического роста (хотя о необходимости его безусловного применения в теории экономического роста Н.В. Устинова неоднократно пишет в своих работах), т.е. предлагается признать абсолютно истинным в любых исторических условиях приоритет накопления над потреблением. Это в корне неверно, достаточно вспомнить, как в СССР признание безусловным приоритетом опережающего роста выпуска средств производства над предметами потребления (что было исторически и практически оправданным в период индустриализации и послевоенного восстановления народного хозяйства) во многом способствовало кризису советской экономики в 80-е г. XX века.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экономический рост эколого-синергетического типа можно определить как экономический рост, осуществляющийся на основе экономически эффективного комбинирования факторов воспроизводства (текущих факторов производства и потенциалов воспроизводственного процесса), в результате чего образуется синергетический (комбинационный) эффект, с охватыванием этим комбинированием также процесса НИОКР при максимально возможном для достигнутого технологического уровня соблюдения экологических ограничений и обеспечении экологической ориентации жизнедеятельности как относительно применяемых технологий, так и образа жизни человека и общества в целом. При этом в качестве обязательных требований для оценки экономического роста должны выступать: рост: уровня жизни населения и социального потенциала общества; истинных накоплений; конкурентоспособности национальных товаропроизводителей на основе применения последних достижений научно-технической революции. Если стабильно высокие темпы экономического роста являются «прежде всего средством роста уровня жизни населения страны, то это объектив-

но повышает уровень социального капитала на уровне общества» [38].

Таким образом, в процессе проведенного исследования были раскрыты характер взаимодействия общества и его природного окружения в условиях глобализации и ускорения научно-технического прогресса, выявлены основные характеристики концепции устойчивого развития (историчность, диалектичность, внутренняя социальная противоречивость), установлено, что в современных условиях сущностью концепции устойчивого развития является разработка социально-экономических механизмов управления социоприродными системами на региональном, национальном и глобальном уровнях в целях обеспечения устойчивого роста благосостояния населения с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека, раскрыт противоречивый характер оценки хозяйственной деятельности на основе экономической и социально-экономической эффективности взаимодействия общества и его природного окружения. «Обязательным условием для формирования и успешного развития этих механизмов является политическая, экономическая и социальная стабильность» [39]. На основе доработанного критерия Калдора–Хикса предложен общенациональный критерий социально-экономической эффективности, в соответствии с которым все хозяйственные изменения должны рассматриваться как повышающие экономическую эффективность только в случае, если получатели выгоды гипотетически могут компенсировать экономические потери оставшихся в проигрыше и всё равно остаться в выигрыше с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека, недопущением чрезмерной имущественной дифференциации и действенной государственной поддержкой детей, пенсионеров, инвалидов и т.д.

Это позволило развить теоретико-методологические основы исследования роста истинных накоплений за счёт выработки подходов, позволяющих определять допустимые пределы экологической детерминанты в развитии общества без ущерба для таких характеристик экономической системы общества, как адаптивность, устойчивость к внешним шокам, способность обеспечивать рост уровня жизни населения, социального потенциала общества, рост истинных накоплений, повышать конкурентоспособность национальных товаропроизводителей на основе применения последних достижений НТП. Уточнено понятие экономического роста эколого-синергетического типа.

* * *

1. Колесник С.В. Общие географические закономерности Земли. – М.: Наука, 1970.
2. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении / сокр. пер. И.А. Вернера. – М., 1908.

3. Цит. по: *Рубин Я.И.* Теория народонаселения: мальтузианское и буржуазно-антимальтузианское направления / под общ. ред. Б.Ц. Урланиса. – М.: Мысль, 1972.
4. Цит. по: *Мальтус Т.Р.* Указ. соч. – С.133.
5. Цит. по: *Мальтус Т.Р.* Указ. соч. – С.79.
6. Цит. по: *Кара-Мурза С.Г.* Россия и Запад: Парадигмы цивилизации. – М., 2011. – С.59.
7. *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч. – С.61.
8. *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч. – С.61.
9. Цит. по: *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч. – С.61.
10. Цит. по: *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч. – С.64.
11. Цит. по: *Мальтус Т.Р.* Указ. соч. – С.36.
12. Цит. по: *Becker G.S.* Nobel Lecture: the economic way of looking at behavior // J. of Polit. Economy. – 1993. – Vol. 101. – № 3. – P.395–396.
13. Цит. по: Теория народонаселения Т. Мальтуса // Институт экономики и права Ивана Кушнера. – URL: <http://be5.biz/ekonomika/i010/25.htm> (дата обращения: 28.05.2016).
14. Цит. по: Теория народонаселения Т. Мальтуса...
15. *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч. – С.64.
16. Цит. по: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С.200–201.
17. Цит. по: *Плеханов Г.В.* К вопросу о роли личности в истории // Сочинения. – М.; Л., 1923. – Т.8. – С.254–255.
18. *Плеханов Г.В.* Указ. соч. – С.294.
19. Цит. по: *Гумилёв Л.Н.* Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве» пресвитера Иоанна. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1995. – С.103.
20. *Гумилёв Л.Н.* «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. – М.: Мысль, 1993.
21. *Солодовников С.Ю.* Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования. – Минск: БНТУ, 2014. – С.194–198.
22. *Солодовников С.Ю.* Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. – С.133.
23. *Воронков А.В.* Философско-методологический анализ перехода социоприродных систем к устойчивому развитию: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2005. – С.7.
24. *Ханипов А.Т.* Интересы как форма общественных отношений / отв. ред. А.К. Черненко, А.А. Чечулин. – Новосибирск: Наука, 1987. – С.63.
25. Цит. по: *Мегрелидзе К.В.* Основные проблемы социологии мышления. – Тбилиси: Мецниереба, 1973. – С.390.
26. *Черняк В.К.* Структура экономического развития. – Киев: Наук. думка, 1981. – С.93.
27. Цит. по: *Герасимов Н.В.* Экономическая система: генезис, структура, развитие. – Мн., 1991. – С.23.
28. Цит. по: *Мазуренко О.М.* Эволюция понятия «устойчивое развитие» в экономической науке // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С.152.
29. Цит. по: *Мазуренко О.М., Мелешко Ю.В.* Концептуальные подходы к формированию транспортно-логистического кластера в РБ в контексте устойчивого развития // Сборник научных работ / под ред. Г.Д. Дроздова. – СПб.: СПбГЭУ, 2015. – № 6. – С.159.
30. Цит. по: *Мазуренко О.М., Мелешко Ю.В.* Указ. соч. – С.159.
31. Цит. по: *Мазуренко О.М.* Индекс истинных инвестиций GSI как основа для разработки стратегии социально-экономического развития регионов // Современные проблемы развития экономики и управления в регионе: материалы X Международной науч.-практ. конф. (21 апреля 2016 г.). – Пермь, 2016. – С.125–126.
32. *Устинова Н.В.* Взаимодействие факторов воспроизводства и их влияние на экономический рост: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2006. – С.8.
33. *Устинова Н.В.* Указ. соч. – С.8.
34. *Устинова Н.В.* Указ. соч. – С.12.
35. *Устинова Н.В.* Указ. соч. – С.12.
36. *Устинова Н.В.* Указ. соч. – С.12.
37. *Устинова Н.В.* Указ. соч. – С.13.
38. *Солодовников С.Ю.* Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь // Экономическая наука сегодня. – 2013. – № 1. – С.11.
39. Цит. по: *Солодовников С.Ю.* Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С.27.